

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИРАН В IX—XIII вв.

Иран от распада халифата до монгольского завоевания. Государства Тахиридов, Саффаридов и Буидов. Социальные и экономические сдвиги в период господства Сельджуков. Сельское хозяйство. Земледельческие культуры. Развитие городов. Ремесло и торговля. Быт городского населения. Организация государства. Войско. Мусульманское право. Религия. Мусульманские секты. Суфизм. Богословие и философия. Медицина, астрономия, география и другие науки. Язык науки и литературы. Поэзия. Фердоуси. Рыцарские романы и поэмы. Низами. Народное (городское) творчество. Изобразительное искусство.

Багдадский халифат не был государством только арабской племенной аристократии. Иранские феодалы ценой принятия языка, религии, привычек, одежды завоевателей получили доступ к власти. Наиболее сильны были феодалы восточной области — Хорасана. Здесь в IX в. было положено начало первому после арабского завоевания самостоятельному государству на территории Ирана. Во главе этого государства, возникшего благодаря ослаблению халифата, стояла иранская феодальная семья Тахиридов. Вначале Тахириды, стремясь привлечь на свою сторону трудовые массы, облегчают налоговое бремя. Они берут на учет воду — важнейшее условие существования земледельческой культуры в этих областях. Составляется специальная «Книга каналов», надолго установившая порядок пользования водой для искусственного орошения. Но, укрепив свою власть, Тахириды значительно ухудшили положение крестьянства. Они покушаются на независимость сельской общины и отнимают у крестьян общинные земли. Крестьяне ответили на это рядом восстаний. В Северном Иране, на побережье Каспийского моря, широкое повстанческое движение, проходившее под «еретическими» лозунгами, продержалось несколько десятилетий.

Из-за феодального гнета и грабежа, тяжелых налогов и малоземелья крестьянство катастрофически нищало и разорялось. Крестьяне идут в города, где скопляются массы пауперизованного деревенского люда, ожесточенного голодом и лишениями, оторвавшегося от сельского хозяйства и не находившего себе применения в городе. Господствующий класс, стремясь дать наиболее безопасный для себя выход народному недовольству, направляет этих бездомных крестьян на борьбу с исконными врагами оседлых земледельческих районов — с кочевниками северных и восточных степей.

Борьба эта, естественно, проходила под религиозными лозунгами борьбы за веру. Воины за веру, так называемые «гази», поселялись в укрепленных приграничных селениях, в мирное время служивших местом тор-

говли с кочевниками, а при набегах становившихся опорными пунктами в линии обороны земледельческих оазисов.

Из среды таких «гази» вышел замечательный полководец и организатор Якуб Медник (Саффар), сумевший создать хорошо обученное, дисциплинированное войско, подчинить себе обширные территории Восточного и Южного Ирана и уничтожить государство Тахиридов. Якуб угрожал даже Багдаду, и без того потрясенному страшным восстанием рабов, занятых на ирригационной системе в Месопотамии. Однако халифату удалось тогда справиться со всеми трудностями: подавить восстание и отбросить Якуба в Иран. После смерти Якуба его брат некоторое время владел почти всем Ираном, но затем, на рубеже IX и X вв., государство Саффаридов было уничтожено среднеазиатскими феодалами из дома Самана, владевшими в течение всего X в. Хорасаном.

X век в западных областях Ирана характеризуется дальнейшим ослаблением багдадского халифата и приходом к власти князей из рода Буидов, происходивших из племени дейлемитов — горцев Северного Ирана, поставивших солдат для гвардии халифа. При дворах крупных и мелких владетелей Месопотамии, Ирана, Средней Азии существовали отряды гвардии, которая должна была защищать этих феодальных государей главным образом от их же подданных. Поэтому воины для гвардии набирались из воинственных племен, никак не связанных с местным населением. Часто эти воины были невольниками, покупавшимися на специальных рынках, затем проходившими военную выучку. Такие воины, «гулямы», как их называли в Восточном Иране, не были, конечно, рабами. Они сразу же получали оружие в руки. Наиболее способные и ловкие сравнительно быстро достигали высоких должностей в государстве и становились угрозой для своих же собственных повелителей.

Буиды служили в гвардии халифа. К середине X в. халиф оказался пленником Буидов, захвативших Багдад и хозяйничавших там, как в своей вотчине. Представители этого рода основали в Западном Иране ряд княжеств, признававших номинально власть старшего в роде, но фактически почти независимых друг от друга.

На востоке, в самом конце X в., пало под ударами кочевников-тюрков государство Саманидов. На смену ему пришло другое государство, с центром в городе Газне (в современном Афганистане), основанное выходцами из гулямов.

В первые десятилетия XI в. происходит завоевание Ирана кочевниками-туркменами, во главе которых стояли вожди из рода Сельджуков. Сельджукам удалось в короткий срок победить газневидов, уничтожить буидские княжества и в середине XI в. захватить Багдад. Они основали обширное варварское государство, простиравшееся от Средиземного моря на западе до реки Аму-Дарья на востоке. Многочисленная группа местных феодалов составила грозную оппозицию сельджукскому государству. Эти феодалы создали могущественную тайную организацию, которая под религиозной оболочкой вела ожесточенную борьбу с завоевателями-сельджуками. Центробежные силы в сельджукском государстве были настолько велики, удельный вес феодалов был настолько значителен, что в первой половине XII в. обширная сельджукская держава рассыпается на ряд мелких княжеств, причем султан, сохранивший номинально еще титул верховного правителя, фактически владел одним только Хорасаном.

В конце XII в. хорезм-шахи (правители Хорезма, по нижнему течению реки Аму-Дарья) сделали новую попытку объединения разрозненных и враждующих княжеств в одно целое. Но собиранье земель, шедшее вначале успешно, было остановлено нашествием монголов.

Земледелие в Иране почти повсеместно требует искусственного орошения. В некоторых районах, ввиду их особой засушливости, практикова-

лась сложная, специфически иранская система подземных каналов, так называемых «кяризов» (водосборных галерей); в большинстве же местностей жители пользовались водоотводными каналами-арыками, снабженными у выхода каналов из основных водных артерий головными сооружениями — плотинами. Только в Северном Иране, на побережье Каспийского моря, земледелие не требовало искусственного орошения. Содержание каналов в порядке требовало упорного коллективного труда; на западе Ирана, особенно в начале рассматриваемого периода, когда еще был силен рабовладельческий уклад, на ирригационных системах использовался рабский труд, но в большинстве случаев эти работы проводились, повидимому, силами сельской общины.

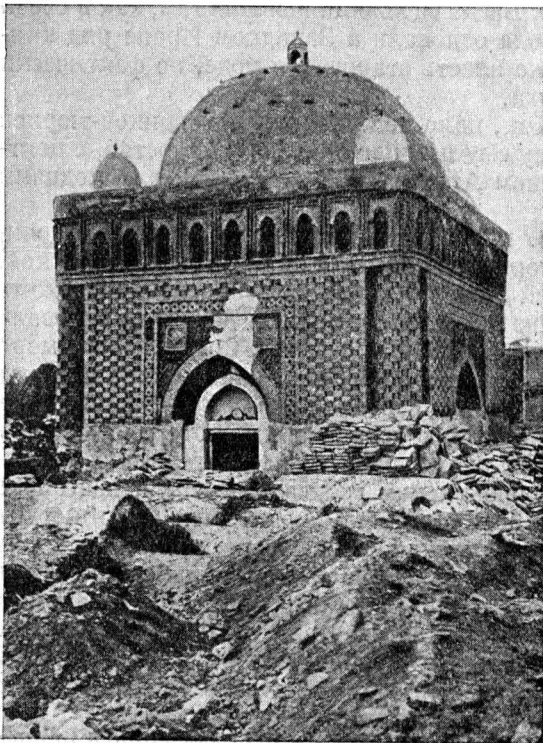
Иран в это время не знал крупного поместного хозяйства. Большинство земель считалось государственными и предоставлялось сельским общинам за уплату поземельного налога — хараджа, поступавшего обычно в смешанной форме (деньгами и натурой) и составлявшего до половины урожая, а иногда и выше. Крупные земельные собственники разбивали свои вотчины (зия) на мелкие участки, сдававшиеся затем крестьянам на условиях ипольщины.

Основными видами земледельческих культур были пшеница и ячмень, распространенные повсеместно, но главной житницей Ирана был Хорасан. Важной зерновой культурой был рис. Широко распространено было виноградарство, плодоводство (персики, абрикосы, гранат, в юго-западных районах также финиковая пальма). На севере Ирана, во влажных прикаспийских долинах, было распространено шелководство.

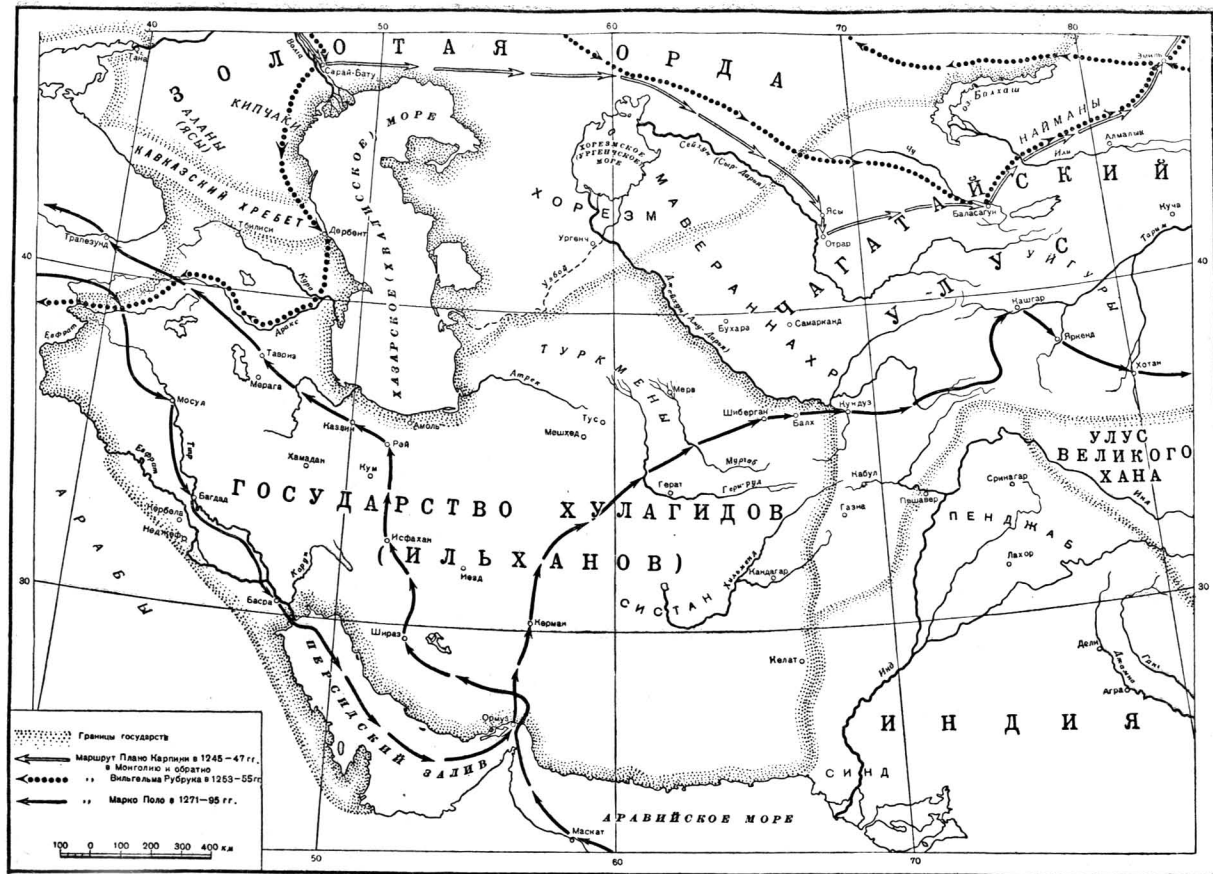
Кроме оседлого населения, в Иране существовали и различные кочевые племена, занимавшие предгорья на западе, полупустынные степи центральной, бесплодной части Ирана и степи на северо-востоке. Эти племена,

находившиеся в постоянной вражде между собой и населением земледельческих районов, фактически почти совершенно независимые, занимались скотоводством. Основными видами скота были лошади и овцы.

До арабского завоевания Иран в основном знал город — резиденцию, город — административный центр. Классическим нужно, повидимому, признать образование города вокруг крупного феодального замка. Этот замок становится цитаделью города, вокруг селилась челядь и дружины феодала; тут же жили и ремесленники, обслуживавшие двор. Все заселенное пространство обносилось стеной — это был шахристан, первоначальный город, характерный для IX—X вв. В дальнейшем, с развитием обмена и экономических связей, стены шахристана становятся тесными

Мавзолей Исмаила Самани. X в.

Карта Ирана и Средней Азии в XIII в.

Медвежата.

Миниатюра монгольской школы. 1295 г.

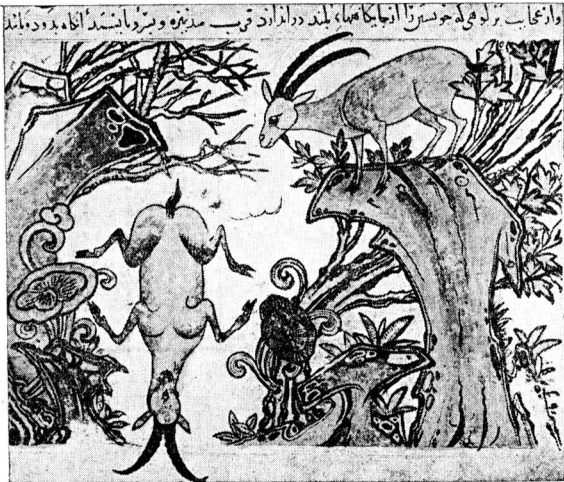
делается главным образом в целях борьбы с восстаниями населения.

Ремесленники жили кварталами по специальностям. С IX в. они работают в основном уже не на заказчика, а на рынок. Очень важно отметить специализацию ремесла по районам. Так, некоторые города, например Рей, Кашан, Савэ, славились производством высоких сортов глиняной глазурованной посуды; Герат и города в Хорасане — ткацким производством.

Многие города являлись не только центрами ремесленного производства, но также и крупными торговыми центрами. Торговля была как местная, между городом и соседней сельской округой, так и дальняя — караванная. В частности, необходимо отметить тесные связи северо-западного Ирана с Закавказьем, которое в культурном отношении чрезвычайно трудно отделить в то время от Ирана. Караванная торговля шла по большим путям, пересекавшим весь Передний Восток с запада на восток и с юга на север. Вдоль этих путей стояли караван-сарай, места отдыха путешественников и склады товаров, часто помещавшиеся в укрепленных селениях, а иногда у мест поклонения, могил «святых» и пр. В больших городах такие караван-сарай принимали характер гостиниц с комнатами для приезжающих, с обширными складскими помещениями. Эти гостиницы помещались обычно около базаров, которые были целыми архитектурными

сооружениями с крытыми переходами и рядами лавок. Часто базары располагались вокруг больших мечетей, которые были не только местами культа, но и своеобразными клубами, где собирались горожане, где совершались сделки, где читались учебными лекции на богословские и научные темы. В мечети можно было оставить на хранение свои товары, деньги; мечеть выдавала напрокат дорогую металлическую и фаянсовую посуду.

Из общественных зданий иранского средневекового города нужно упо-

Горные козлы.

Миниатюра монгольской школы. 1295 г.

мянуть еще бани. Ведшиеся в разных пунктах Переднего Востока археологические работы дают нам представление о виде и устройстве средневековой бани. Топка находилась обычно под полом и согревала, таким образом, не только воду, но и пол бани. Вода подавалась к бане по глиняным трубам, а в самом помещении часто шла по металлическим. Водопровод был обнаружен почти во всех средневековых городах Переднего Востока, подвергавшихся систематическим раскопкам. Естественно, что водопровод бывал только в общественных банях и в домах наиболее привилегированной части населения. Несмотря на скученность и грязь, санитарное состояние и благоустройство иранских городов в этот период было неизмеримо выше, чем в городах феодальной Европы. Улицы часто были мощены камнем, кругом города простирались сады. Кипучая жизнь базаров, ремесленных кварталов, площадей замирала с закатом солнца, когда запирались ворота города и даже внутренние ворота, соединявшие отдельные кварталы. Таковы важнейшие черты, характеризующие экономические отношения и быт феодальных иранских государств IX—XIII вв. Что касается организации центрального и местного управления, то оно в основном строилось по образцу аббасидского халифата.

Государство имело армию, выполнявшую и полицейские функции. Но помимо военной силы феодалы имели в своих руках более утонченные орудия господства над массами. Это были право и религия.

Правовые нормы были теснейшим образом связаны с исламом — господствующей религией Ирана этого времени. Работы багдадских правоведов VIII—IX вв. создали идеальную систему теократической деспотии — халифата, разработали в интересах господствующего класса и отдельные частные вопросы, например правовое обоснование налоговой системы. Особое место занимали сочинения по государственному праву. Сочинением, разработанным всецело в религиозном исламистском духе, являлась книга багдадского законоведа Маверди «Государственные установления», написанная незадолго до завоевания Багдада сельджуками. Более светской и построенной на собственном огромном практическом опыте, но отражающей все же скорее идеальные представления автора, чем действительную картину государственной практики XI в., была «Книга о политике» сельджукского везира Низам-аль-Мулька.

Мусульманское право, регламентирующее малейшие поступки и деяния человека, связывающее всю его общественную и частную жизнь религиозными предписаниями, освящало авторитетом религии феодальную эксплуатацию, униженное, бесправное положение женщин в семье и обществе, человеконенавистничество и фанатизм. Огромную роль в государстве играло в связи с этим духовенство. Мечети и различные религиозные установления владели огромными земельными угодьями, значительной недвижимостью в городах, так что для управления всеми этими богатствами, составившимися главным образом из вкладов на «богоугодные» цели, необходимо было специальное ведомство.

Два шакала: Калилла и Димна.
Миниатюра первой половины XIII в.

В большинстве государств, существовавших на территории Ирана в IX—XII вв., господствовало суннитство—правоверное направление ислама. Для поднятия авторитета религии и своей собственной власти почти все правители признавали своим духовным главой багдадского халифа, хотя фактически халиф был уже в X в. лишен какой бы то ни было политической власти. В некоторых княжествах, как, например, Буидских, господствующей религией было шиитство, в догматическом отношении мало отличавшееся от правоверного суннитства, но часто служившее знаменем политической борьбы. Иногда под шиитскими лозунгами проходили демократические народные движения, иногда же ими пользовались и реакционные движения. Так, тайная организация феодалов, борющаяся с Сельджуками, принадлежала к крайней шиитской секте исмаилитов.

Формально стояло на почве ислама, но фактически не имело с ним почти ничего общего религиозно-философское учение, известное под именем суфизма. Это учение, сыгравшее огромную роль в истории культурной жизни Ирана, отражало, несомненно, идеологию ремесленной и торговой верхушки города и являлось оппозиционным по отношению к официальной религии. Характерным для суфизма является широкий пантеизм и мистическое восприятие мира. Суфийские общества имеют теснейшую связь с профессиональными объединениями ремесленников и торговцев. Суфийские братства часто поселяли в специальных зданиях — ханаках — группы своих единомышленников, ведших там под руководством какого-нибудь «святого старца» подвижническую жизнь. Фактически же эти ханаки, разбросанные по городам и вдоль главнейших дорог, являлись опорными пунктами того или иного братства в стране. Господствующий класс, сначала подвергавший суфиев жестоким преследованиям, затем встал на другой путь: на путь выхолащивания политического содержания этого учения. Постепенно суфизм стал модным в феодальной среде, каждый правитель, каждый князек считал своим долгом иметь своего наставника — «старца».

Суфизм, как религиозно-философское учение, подводит нас к важному вопросу о философских системах, распространенных в Иране в средние века. На развитие философской мысли на территории халифата оказало большое влияние то научное наследие, которое народы Востока, сирийцы, евреи, арабы, иранцы, получили от античности.

В области философии ни арабы, ни иранцы не создали ничего нового. Они усвоили аристотелевскую систему, но не в чистом виде ее, а затемненную позднейшими неоплатоническими наслоениями и гностическими построениями учителей арабов — сирийцев. Эти учения были ближе и понятнее ученым халифата, чем

любая другая философская система античности. Несмотря на свою идеалистическую сущность, философия средневековых арабов и иранцев, несомненно, сыграла свою положительную роль в развитии культуры, так как противопоставляла себя богословию. Но уже к X в. намечился процесс сближения богословия с философией и превращения этой последней в типичную для феодального общества схоластическую систему, стоящую на службе у религии. Последним

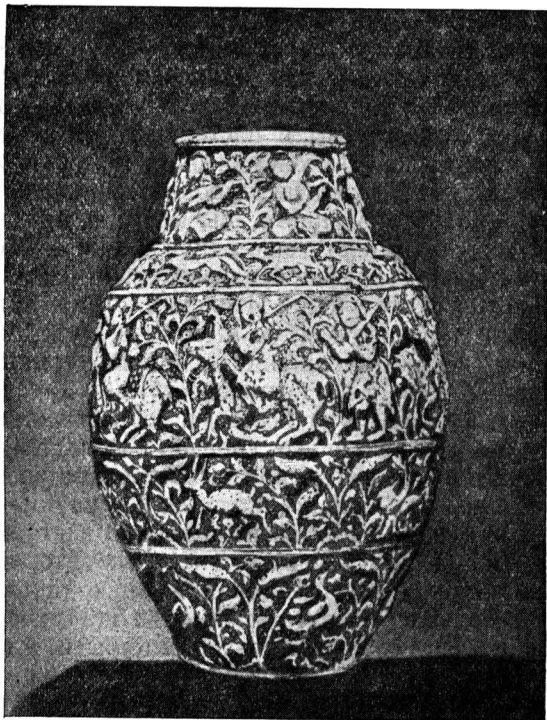

Иранская миниатюра к рукописи «Шах-нам». Ленинград, Гос. Публичная библиотека

из крупных философов Переднего Востока, подведшим итог работе предшествующих поколений, был Абу Али ибн-Сина (известный в Европе под искаженным именем Авиценны). Ибн-Сина родился около Бухары, молодость провел в Хорезме, но главным образом работал при дворах буидских князей в Западном Иране. Его философский труд — «Книга исцелений» — имел влияние не только на философию восточных народов — арабов и евреев, но, вместе с сочинениями испанского араба ибн-Рушда (Аверроэса), пользовался огромным авторитетом у всех средневековых философов Западной Европы.

Авиценна своими философскими трудами подвел некий итог целому периоду в развитии философской мысли. Всего через пятьдесят лет после его смерти богослов и мистик Газали в своем сочинении «Ниспровержение философов» мог заявить о конце философии (понимая под ней учение, уходившее корнями в античные философские системы). Газали сказал: «Мы искали знания помимо бога, но его не было помимо бога». Это означало победу феодальной схоластики над свободным развитием человеческой мысли.

Но науки еще продолжали развиваться. Особенных успехов добилась в это время медицина. В те времена слабой дифференциации наук мы часто видим, что один и тот же человек являлся выдающимся ученым в самых разнообразных областях знания. Так, величайшим врачом своего времени был все тот же Авиценна, чей гигантский труд «Медицинский канон» был настольной книгой врачей всего мира вплоть до XVIII в., до открытия кровообращения и начала новой медицины. Чрезвычайно разносторонним ученым был и другой уроженец Средней Азии, хорезмиец Абу-Рейхан

Фаянсовая ваза с рельефным рисунком. XIII в. Ленинград, Эрмитаж

Изразец. Рей. Начало XIII в. Киевский худож. музей

Бируни, автор замечательных трудов по астрономии, истории и филологии. В области астрономии особенно много сделал Омар Хайям, в Европе более известный как поэт. Омару Хайяму, выдающемуся математику и астроному, принадлежит честь создания календаря, который был точнее того, которым мы в настоящее время пользуемся (григорианского).

Укрепление экономических и культурных связей между различными областями, развитие мировой караванной торговли, появление сравнительно образованного, бывалого и предприимчивого купечества способствовало расцвету еще одной науки — географии. Если в области теоретической географии средневековые арабы и иранцы не пошли дальше эллинистического учения Птолемея, слепо придерживаясь его ложной геоцентрической системы, то в области практической, «прикладной», географии они сделали очень много. «Маршрутники» арабских и иранских путешественников X в., носившие обычно характерное название «Пути и страны», с большой точностью и добросовестностью описывали достопримечательности различных городов и областей, дороги, реки и моря. Их сочинения в большей мере способствовали расширению представлений о мире, о человеке. Однако естественные науки — зоология, ботаника — развивались слабо, в них господствовали абстрактные построения, повторялись сведения, полученные от античных авторов, полностью отсутствовал опыт, наблюдение над реальной жизнью природы.

Большое развитие получила историография, хотя исторические сочинения еще носили характер летописей, а при попытке создать «всемирную историю» ученые оказались во власти, с одной стороны, религиозной мусульманской традиции, с другой стороны, легенд и преданий иранцев.

Преподавание наук велось первоначально учеными частным образом, но в этот же период в Иране получает развитие высшее духовное училище — медресе, где преподавались и светские науки. Этот тип учебного заведения идет с Востока и по своему устройству имеет черты сходства с буддийским монастырем. Появившись в X в. в Средней Азии, в Хорасане, медресе постепенно распространялись на запад и при сельджуках появились даже в Багдаде. Медресе бывали и частные, содержавшиеся обычно на средства какой-нибудь еретической секты, но главным образом — государственные, управлявшиеся диваном, заведывавшим землями и угодьями религиозных учреждений. Ученики жили при медресе, женатые студенты имели право только раз в месяц ночевать дома.

Языком религии и богословия был язык арабский. В значительной мере он был и языком науки, почему мы часто говорим об «арабской науке», хотя правильнее было бы называть ее арабо-язычной. Но уже начиная с IX в. все более и более широкое распространение в Иране и сопредельных странах получает новый литературный язык — персидский. Старая литературная традиция домусульманского Ирана прервалась с арабским завоеванием. Старый литературный язык — пехлеви — потерял свое значение. В связи с усилением иранских феодалов и созданием ими самостоятельных княжеств в Восточном Иране там начал употребляться, наряду с арабским, и язык персидский. В X в. он является уже вполне определенным, разработанным языком. Самый ранний из дошедших до нас памятников этого языка относится к началу VIII в.

Персидский язык стал быстро проникать в науку, в деловую жизнь, в официальную переписку. На этом языке создавалась обширная художественная литература. Первые памятники художественной литературы на персидском языке мы встречаем, что вполне понятно, в Хорасане и в Средней Азии, где он вытеснил древние языки коренного населения — согдийский и хорезмийский. Персидский язык как язык культурных сношений и художественной литературы стал употребляться далеко за пределами Ирана, и им пользовались самые разные народы Переднего Востока, точно

так же как арабским языком пользовались далеко не одни только арабы. Поэтом значение персидского языка в истории культурной жизни всей Передней Азии чрезвычайно велико.

Большое развитие получила поэзия. Уже при дворе Саманидов в Бухаре появилась в X в. целая плеяда талантливых поэтов, из которых следует отметить Рудаки и Дакики. Они пишут на персидском языке хвалебные оды, прославляющие повелителя и по форме тесно примыкающие к арабским стихотворным образцам. Но в X в. в персидской поэзии мы видим и новый жанр, появившийся, несомненно, в связи с борьбой иранских феодалов с арабским владычеством. Это был героический эпос, построенный на старой иранской эпической традиции. Иранской аристократии было необходимо показать преемственность их власти от древних царей Ирана, воскресить в памяти народа великое прошлое страны. Поэт Дакики получает задание переложить на стихи легенды и предания древнего Ирана. Ранняя смерть поэта прервала в самом начале эту работу. Труд Дакики продолжил и закончил гениальный Фердоуси (934—1020). Гигантская поэма «Шах-намэ» («Книга царей»), содержащая около 120 тыс. стихотворных строк, является своеобразной энциклопедией раннего иранского феодализма. Популярность поэмы на Переднем Востоке огромна, ее значение и поэтическое обаяние не утрачено до сих пор. Гениальный поэт не только переложил на стихи древние летописи и предания, но сумел также почерпнуть вдохновение в неиссякаемом источнике народного творчества, отразить сокровенные чаяния народа, его представление о доблести, мужестве и справедливости. Это и сделало «Шах-намэ» бессмертной.

С началом XI в. появляются новые течения в литературе и искусстве. На смену героическому эпосу приходит нарождавшийся параллельно с ним романический эпос, своего рода рыцарский роман. Типичной для первой стадии развития этого жанра является поэма Гургани «Вис и Рамин». Эта поэма, имеющая много общего с западноевропейским романом о Тристане и Изольде, пользовалась огромной популярностью на Востоке. В XII в. она была переведена на грузинский язык, ее читал великий грузинский поэт Шота Руставели, не раз упоминающий ее героев в своей бессмертной поэме «Витязь в тигровой шкуре».

Но вершиной в развитии этого жанра являются поэмы гениального азербайджанца Низами (1141—1205), писавшего по-персидски. Низами оказал огромное влияние на всю последующую литературу Ирана, и его поэмы никак нельзя оторвать от персидской литературы, вернее — литературы на персидском языке, хотя, конечно, его творчество теснейшим образом связано с Закавказьем и имеет много общих черт с творчеством Руставели, писавшего на другом языке.

В творчестве Низами нашли отражение те сдвиги, которые в это время произошли в обществе. Низами уже тесно связан с городом, с его населением. Об этом говорит наличие в его поэмах идей суфизма и появление у него новых, небывалых дотоле героев. Так, в поэме «Хосров и Ширин», несмотря на то, что по эпической традиции героем должен быть царь Хосров (так у Фердоуси), Низами намеренно снижает Хосрова, выдвигая на первый план архитектора, мастера Фархада, т. е. представителя городской ремесленной верхушки, перенося, таким образом, старую легенду в современную себе обстановку.

Суфизм, проникая в литературу, также порождает свой особый жанр — дидактическую, поучительную поэму, где в различных аллегориях описываются обычно странствования души, ее совершенствование и единение с божеством. Одним из наиболее видных представителей этого направления был Аттар. Отец его был врачом. Само прозвище поэта указывает на его близость к ремесленным и торговым кругам: в переводе оно значит аптекарь, торговец пряностями.

Наиболее демократическим, типично городским является короткое стихотворение, так называемое рубаи — четверостишие. По форме оно теснейшим образом связано с народным творчеством: и в Иране и в Средней Азии рубаи живет по сей день в народной поэзии, по функции своей напоминая нашу частушку. Почти во всех собраниях сочинений крупных поэтов есть рубаи. Многие рубаи приписываются знаменитому астроному и математику Омару Хайяму. Но было замечено интересное явление: одни и те же рубаи почти всегда приписываются то одному, то другому автору; на самом деле эти четверостишия являются «бродячими»; они, не принадлежа никому, принадлежат всем, что является лучшим доказательством их народности, демократичности; они стоят на грани устной и писанной литературы. Характерно, что рубаи в большом количестве встречаются на изделиях художественного ремесла: на сосудах, на изразцах. Часто в них можно встретить своеобразный гедонизм, связанный с глубоким пессимизмом, ироническое, подчас кощунственное отношение к господствующей религии; иногда в них встречаются и производственные мотивы (работа горшечника, медника и т. д.).

В городах развиваются еще и другие виды литературы: это авантюрный роман, вернее, цикл новелл с одним обрамляющим сюжетом, рассказывающий о приключениях пройдохи-горожанина. Наиболее популярным сочинением этого типа являются «Макамы» Харири, написанные на арабском языке. Большое распространение получают и волшебные сказки. Наиболее известным сборником сказок является, конечно, «Тысяча и одна ночь», также существующий главным образом в арабских редакциях, однако в основу его положены сказки разных народов Переднего Востока и главным образом иранские.

Несомненно, существовала и богатая устная литература. Она нашла свое отражение в фольклоре Ирана, Закавказья, Средней Азии. Некоторое представление о средневековых народных баснях Ирана могут дать дошедшие до нас прекрасные, социально заостренные, остроумные армянские басни XII—XIII вв.

Все те тенденции, которые намечаются в литературе, можно отметить в изобразительном искусстве. Ведущим видом искусства является архитектура, которая, несмотря на существенные различия, в зависимости от района нахождения памятника или происхождения строителей, переживает единый процесс: от строгой конструктивности и простоты форм — к пышной, декоративной постройке, где конструкция теряется под массой орнаментальных деталей. На службу архитектуре был поставлен ряд специальностей художественного ремесла. Привлекаются гончары, изготовляющие пестрые изразцы для украшения стен, медники, изготовляющие декоративные сосуды и подсвечники для украшения внутренности зданий. Известное применение имела и скульптура, как часть декоративного убранства архитектуры (рельефы), а также и роспись.

Существует мнение, что так как ислам запрещает изображения живых существ, то в восточном искусстве изображения людей и животных крайне редки. Это не совсем верно. В Иране, да и в других странах Востока мы видим множество изображений животных и людей; даже на культовых памятниках они встречаются, хотя, действительно, гораздо реже. Фанатическое, нетерпимое отношение к такого рода изображениям появляется лишь значительно позже.

Наиболее распространенного в наши дни вида изобразительных искусств, а именно станковой живописи, в то время не существовало. Зато широко распространена была миниатюрная живопись, иллюстрирующая рукописи, писавшиеся в то время уже главным образом на бумаге, техника производства которой от китайцев была усвоена народами Средней Азии в середине VIII в., а затем вскоре стала известна и в Иране и в Пе-

редней Азии. Была известна и упоминавшаяся выше стенная роспись, к сожалению, почти не сохранившаяся до наших дней.

Живописные композиции встречаются часто и на керамике, особенно на той, которую иранские мастера называли «лазурной», или «семицветной», или люстровой, обладающей своеобразным металлическим блеском. Иногда на сосудах мы видим иллюстрации к известным литературным произведениям, порой целые серии рисунков к целому большому эпизоду популярной поэмы. Сложные, часто сюжетные композиции можно увидеть на богатых шелковых тканях, которыми славился Иран. Эти ткани, продолжавшие старые ремесленные традиции еще доарабского времени, вывозились в соседние страны и оказали большое влияние на ткацкое искусство соседних стран. Также славился Иран своими коврами и паласами.

Металлическая утварь выделялась с великим искусством. Техника инкрустации металла в металл (красная медь, серебро и золото в бронзе), известная еще и раньше, теперь приобретает особое значение. И в Мосуле на Тигре, и в Армении — на западе, и в Герате — на востоке, и в Ширазе — на юге создаются крупные центры изготовления металлической, главным образом бронзовой, посуды. Тончайшими серебряными нитями мастера проводили по бронзе сложные рисунки, где излюбленная феодалами тематика — сцены охоты, пиров, игр — вплетена в растительные побеги, тысячами всегда разных завитков покрывающие поверхность сосуда.

Иранская культура — сложное, комплексное явление — создавалась многими народами, и все они наложили на нее свой отпечаток; выше мы видели, что основные очаги культуры, называемой иранской, в определенные периоды лежали за пределами собственно Ирана. Этой сложной, противоречивой, но богатой и яркой культуре, имевшей огромное значение для развития всего человечества, был нанесен в XIII в. жестокий удар монгольским завоеванием.

